

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-186-201>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. С.К. Севастьянова
г. Новосибирск, Россия

© 2023 г. Е.Э. Худницкая
г. Новосибирск, Россия

«ЖЕНСКАЯ ТЕМА» В РУССКОМ СБОРНИКЕ «ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО»

Аннотация: Интерес к «женской теме» актуализировался в отечественной гуманитаристике на рубеже XX–XXI вв. в рамках феминологии, исторической антропологии и истории повседневности. Однако «женская тема» в переведенных на русский язык в XVII в. экземплярных сборниках пока недостаточно привлекает внимание исследователей. В данной статье впервые женская проблематика выделена как одна из сквозных в кодексе «Великое Зерцало» в его первом русском переводе. Образ женщины охарактеризован на материале 163 статей. Содержание примеров соотнесено с событиями исторического прошлого Древней Руси и российской повседневности XVII в. В сборнике значительное внимание уделяется «злым женам». Примеры о женской активности показывают ее проявление не только как порок, но как социальное служение. Женщине рекомендуется вести христианский образ жизни, быть покорной и верной мужу. В то же время восхваляется ее мудрость и ум и готовность к самопожертвованию ради семьи и мужа. Еще слабые, но уже заметные в статьях «Великого Зерцала» проявления нового отношения к женщине, расцветшие в переходный период русской культуры и Новое время, — повышение оценки женской личности, укрепление женского статуса в семье, ломка стереотипов о женщине — привнесены не только элементами европейской культуры, проникшими в русский быт, но и мировыми сюжетами, на которых базируется «женская тема» сборника.

Ключевые слова: русский сборник «Великое Зерцало», «женская тема», образ женщины, синкретизм, «злые жены», мудрая и умная жена, социальное служение

Информация об авторах:

Светлана Климентьевна Севастьянова — доктор филологических наук, Сибирский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Нижегородская, д. 6, 630102 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

E-mail: sevask@mail.ru

Елена Эдуардовна Худницкая — ведущий инженер, сектор литературоведения, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1326-5502>

E-mail: ekhudnitskaya@list.ru

Дата поступления статьи: 10.08.2022

Дата одобрения рецензентами: 05.10.2022

Дата публикации: 29.03.2023

Для цитирования: Севастьянова С.К., Худницкая Е.Э. «Женская тема» в русском сборнике «Великое Зерцало» // Вестник славянских культур. 2023. Т. 67. С. 186–201.

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-186-201>

Светлой памяти Елены Константиновны Ромодановской

Среди научных интересов Елены Константиновны Ромодановской (1937–2013), талантливого ученого, чуткого научного руководителя и замечательного человека, которой в 2022 г. исполнилось бы 85 лет, русский сборник «Великое Зерцало» (далее: *Зерцало*) занимал одно из ведущих мест. В ее обзорных статьях [19–21] обобщен теоретический опыт изучения памятника и поставлены задачи дальнейшего исследования особенностей его русификации.

Интерес к *Зерцалу* не ослабевает до сих пор, несмотря на огромный объем сборника, включающего в двух переводах конца XVII в. почти тысячу статей, обилие списков и многообразие источников. Основательные труды о *Зерцале* П.В. Владимирова, В.П. Адриановой-Перетц, О.А. Державиной и первые комментированные публикации отдельных повестей А.Н. Пыпиным и М.Н. Сперанским, позже дополненные академическими изданиями, — все они проанализированы Е.К. Ромодановской и не утратили своей актуальности. Остаются востребованными и исследования о путях развития польского сборника и жизни его переводов в России (Б. Беднарек, Б. Вальчак-Срочиньска, Н.К. Гудзий, О.Д. Журавель, С.И. Николаев, А.С. Орлов, С. Шевченко); отдельных повестях русского *Зерцала* и их переработках старообрядческими книжниками (Т.Ф. Волкова, Н.Д. Зольникова, Н.А. Карманова); отдельных темах и сюжетах (Д.И. Антонов и М.Р. Майзульс, С.И. Буслаев, Э. Малэк, С.К. Севастьянова, Е.Э. Худницкая), получивших вторую жизнь в произведениях русских писателей XVIII–XX вв. (О.В. Гладкова, Н.В. Капустин, Л.В. Крестова, Ю. Кшижановский, А.В. Пигин, Л.И. Сазонова) и воплотившихся в живописи, книжной миниатюре, фресках (Т.Е. Казакевич, И.В. Крицкая, Д.А. Ровинский). В этой массе работ о *Зерцале* исследования Елены Константиновны, называвшей сборник переводным кодексом XVII в. [22; 27–29], объединившим в своем составе мировые сюжеты и новые темы в русской литературе [23–26], стали научно-методологическим обоснованием его комплексного изучения как сюжетно-тематического и структурно-семантического единства.

В русле поставленных Е.К. Ромодановской задач перспективным является интерес к представленным в сборнике темам с «вечным» и общим для христианской культуры содержанием. К их числу относится гендерная проблематика, актуализировавшаяся в отечественной гуманитаристике на рубеже XX–XXI вв. в рамках феминологии, исторической антропологии и истории повседневности [3; 9; 13; 14; 17–19 и др.]. Наше внимание она привлекла как «женская тема» [15; 16].

Цель статьи: охарактеризовать образ женщины в *Зерцале* и особенности его реализации на примерах о поведении женщины в быту и общественной жизни. Материалом исследования стал первый перевод сборника, включающий 667 пронумерованных и 5 нумерованных статей [32].

Упоминания о женщине сопровождаются в *Зерцале* 22 номинациями. Самые частотные: жена, дева, монахиня, госпожа, блудница, святая. Они присутствуют

в 163 примерах и представляют разные грани образа женщины, проявляющиеся в ее занятиях, поступках, возрасте, статусе, в отношениях с близкими. Такое смешение «в рамках одного образа нескольких исходных женских типов» и «связанных с ними разнохарактерных мотивов» исследователь Е.И. Сулица называет «синкретичностью» [29]. Женщина *Зерцала* обладает отдельными, ярко выраженными или сложными сочетаниями качеств, реализующихся в быту и социальной сфере. Многоликость женского образа в сборнике становится тем структурно-тематическим, укорененным в церковно-каноническую традицию стержнем, на который нанизаны конкретные примеры.

Сборник *Зерцало* насыщен примерами об идеально-канонических действиях и нарушающих морально-нравственный кодекс христианского типа поведения поступках женщин. Рассказы о деяния героинь раскрывают истоки особенностей понимания средневековым сознанием женской природы: с одной стороны, верной спутницы мужчины, любящей матери и близкой родственницы; с другой, в результате грехопадения, — богоотступницы и соблазнительницы или, напротив, невесты Христовой и святой девы, искупающей первородный грех.

Примеры как эталонных, так и недостойных женских поступков черпались, в первую очередь, из Священного Писания. В *Зерцале* упомянуты праведные и наиболее почитаемые жены — Ревекка, Сепфора, Раав, сонамитянка, сарептская вдова, пророчица Анна и царица Эсфирь, Асенефа, Мелхола, Вирсавия и Сара (жена Товия), многие из которых в святоотеческой традиции стали ветхозаветными прообразами Богородицы и Церкви в целом. Это «чистое зеркало без пятна», как именуется Богоматерь в духовной литературе, становится женским идеалом в *Зерцале*: красивой девы, но не соблазнительницы, а использующей чары и красоту ради блага своего народа и семьи [12]. Женщины Нового Завета — блудница у ног Спасителя, прав. Елизавета, кровоточивая женщина и мать хананеянка — привносят в идеал поведения жертвенность, служение Богу, показывают «способ удостоиться Царствия Божия». Такой тип поведения содержат рассказы о Василисе и Иулиане; Марии и Евхаристе; Феогнии и Анастасии, брачные узы которых не разрушили чистоту отношений [32, гл.: 237, 238, 249]; о девицах, последовавших примеру женихов и принявших постриг [32, гл. 235]; о женщине, узнавшей об убийстве христиан и пожелавшей стать мученицей [32, гл. 196]; о деве из Галии, которая всячески противилась замужеству [32, гл. 239].

Содержит *Зерцало* и примеры о ранних христианских подвижницах, отдавших свои жизни за Христа. О равноап. первомц. Фекле Иконийской († II в.), мц. Эмеренциане Римской († ок. 304), получившей кровавое крещение, вмц. Варваре Илиопольской († 306), чей культ сформировался на Руси в домонгольские времена; мц. Феодосии Кесарийской (Палестинской) († 307), прп. Исидоре Тавеннийской († 365) — одной из первых юродивых [32, гл.: 236, 150, 82–87, 11, 174].

Христианский образ жизни, который должна вести женщина, превозносится в *Зерцале*. Пастырь Григорий в своем письме настойчиво наставлял добродетельную девицу Матылду Кигитунскую: «предивная вещь! Како в житии христианском начат жити, паче царей и князей превознесся, и паче изряднейшая показася и паче воев сильных явися мужественнейшая» [32, гл. 156, л. 142]. Не случайно в *Зерцале* немало рассказов о благочестивых девах разных возрастов, награжденных Богом за любовь к Нему и Пресвятой Богородице. К 50-летней женщине, которая вела добродетельную жизнь, приставлены архангел и ангелы [32, гл. 30]; одр с телом богобоязненной девицы, каждый день жизни готовившейся к смерти, сопровождали голуби [32, гл. 574]; слезы от сердца молящейся женщины голубица уносила на небо [32, гл. 320]; к умира-

ющей деве «святого жития» чудесным образом перемещен патриарх для причастия [32, гл. 157], а страдающая от болезни женщина получила исцеление за горячее почитание убруса с ликом Христа и иконы Спасителя [32, гл. 447].

Через боголюбивых монахинь Господь являл свою волю [32, гл. 598]. Отличавшаяся строгим житием инокиня свидетельствовала о наказании Богом грешников и милости к кающимся [32, гл. 155], а скончавшаяся монахиня Анна вернулась к жизни, чтобы рассказать о мучениях еретиков в аду и предупредить сестер о благочестии и покаянии [32, гл. 350].

Чистые сердцем христианки удостоились назиданий и благодарностей от самой Богоматери. Деву, которая скороговоркой повторяла молитву «Богородице Дево, радуйся», Пресвятая Дева научила размеренно произносить славословие [32, гл. 29]. Инокиню, ухаживавшую за антимирами и покровцами, Богородица вознаградила своим прикосновением к ним [32, гл. 169]. Деяния прилежных в вере монахинь описаны как знаковые: одна из них изгнала из одержимого беса и заставила его войти в свинью [32, гл. 255].

Агиографические и повествовательные переводные и отечественные сборники предостерегали: диавол творит свои мерзкие дела посредством женщин. Приняв облик молящейся инокини, бес пообещал воину покорение Иерусалима и славную смерть за Христа. Обрадованный перспективой, юноша потерял рассудок [32, гл. 264]. В другом примере диавол за мешок золота уговорил некую особу рассорить семейную пару. С легкостью выполнив задание, она получила похвалу от диавола и «прописку» в аду [32, гл. 442].

В монашеской литературе женщина, как правило, — объект вожделения. Блуд занимает в «рейтинге» женских грехов самое высокое место: покаявшись, соблазнительницы со временем принимаются за старое [32, гл. 135]. Юноша, который рос при монастыре в чистоте, а потому обладал способностью невредимо держать в руке раскаленное железо, после связи с обольстившей его женой кузнеца обжегся [32, гл. 248]. Госпожа распаляла плотское желание молодого человека, и он, чтобы не быть соблазненным, обратился с молитвой к Богородице [32, гл. 24]. А воин даже на смертном одре не мог избавиться от мыслей о наложнице [32, гл. 80].

Служителям Церкви порой сложно устоять перед чарами красавиц. Священник перед литургией согрешил с женщиной, и ангелы не позволили ему приступить к совершению причастия [32, гл. 167]. Любовница пресвитера Гвидо и после смерти продолжала волновать его воображение: священник раскопал ее могилу и измазал свое лицо смердящим трупным гноем [32, гл. 470].

Но для монаха женщина особо опасна. Основатель женского монастыря Илия «впаде в плотское искушение и в помышление», бегал по пустыне до тех пор, пока его не поймали и не оскотили ангелы [32, гл. 152]. Другой монах не мог оторвать вожделенного взгляда от женщины, поэтому зашел в ледяную воду по шею и чуть не околел [32, гл. 471]. Умудренные духовным опытом старцы знали способы борьбы с порочными желаниями — это молитва, испепеляющий соблазнительницу взгляд [32, гл. 244], физическая боль, намеренно причиняемая себе, например, лежанием на горящих углях [32, гл. 247], и крепкая пощечина: епископ со всей силы ударил по лицу девицу, подосланную к нему для искушения [32, гл. 246]. Надо заметить, что рукоприкладство в отношении соблазнитель в *Зерцале* одобряется. Благочестивая дева дала пощечину пресвитеру, когда тот пытался ее лобызать. Духовник, выслушав ее историю, благословил в другой раз выбить священнику глаз [32, гл. 662].

Есть в *Зерцале* примеры о женщинах, которые сопротивляются своей природе. Осознав, что внешняя красота ведет к греху, они приходят к покаянию. Девица, желая нравиться мужчинам, просила св. Фому сделать ее глаза более привлекательными, но ослепла, и лишь после искреннего раскаяния зрение вернулось [32, гл. 513]. Красавицы умоляли Господа и Пресвятую Богородицу обезобразить их внешность и радовались, пораженные проказой [32, гл.: 139, 243]. Посрамляемая дьяволом за красоту и искушаемая его гнусными предложениями, девица ограждалась крестным знаменем [32, гл. 607].

Многие женщины в *Зерцале* — великие грешницы: умирая, они не успевают перечесть всего, что натворили, поэтому нередко возвращаются к жизни, чтобы исповедаться [32, гл.: 179, 550, 604, 610]. Сугубо женским грехом признается в сборнике праздность и веселье. Девица, возлюбившая суету мира, умирая, нарядилась в красивое платье и призывала дьявола, чтобы он ее забрал [32, гл. 584]. Напрасная смерть настигла пляшущих девиц, вовлекающих в веселье друзей и подруг [32, гл.: 627, 629, 631]. И даже слушание уличных песен, как рассказала сестра св. Дамиана, явившись ему после смерти, привело ее к долгому пребыванию в мытарствах [32, гл. 600]. Склонностью украшать себя, веселиться и балагурить отличались в *Зерцале* не имевшие высокого социального положения девицы и женщины, что находило соответствие в русской действительности XVII – начала XVIII в. Европейские путешественники отмечали у наших соотечественниц, не принадлежащих к боярскому сословию, увлечение декоративной косметикой, часто неумелое и излишнее, наличие броских нарядов и ярких аксессуаров и даже пристрастие к горячительным напиткам [1; 8; 10, с. 80–82; 16, с. 143–144].

Осуждается присущее женщинам высокое самомнение: убежденная в своей исключительности одна дева истязала плоть, много постилась и молилась [32, гл. 177]; другая собирала средства, как говорила, на благие дела — на самом деле складывала деньги в сосуд и хранила в доме [32, гл. 399] — обе за свое притворство наказаны адскими муками. Обличаются женщины озлобленные и гневливые: одна такая, тяжело заболев, отказалась от причастия и отвернулась к стене, когда священник поднес к ней св. Дары [32, гл. 479]. Останки женщин с неисповеданными грехами не тлели после погребения, подобно заключенному клятвой телу девицы, пробывшему в земле 70 лет [32, гл. 381].

Еще один чисто женский грех — сварливость и неуступчивость. Хорошо известен сюжет о жене, спорившей с мужем даже до смерти: пострижена или покошена трава в поле [32, гл. 643]. Невоздержанность на язык, совершенно неприемлемая для монахинь, особо изобличается. Две скандалистки, осмеливавшиеся перечить епископу, прокляты им: когда инокини скончались, то при отпевания на словах о выходе из храма оглашенных они встали из гробов и покинули церковь [32, гл. 367].

Наложению женщинами на себя рук посвящены в *Зерцале* несколько примеров, которые этот поступок объясняют по-разному. С одной стороны, как искушение бесом, а, следовательно, как тяжкий грех: одна грешница пыталась повеситься, но колокольный благовест и пришедшая на ум молитва Христу спасли ее [32, гл. 526]. С другой стороны, самоубийство трактуется как подвиг, угодный Богу. Не является греховным лишение себя жизни ради сохранения женской чести. Захваченная в плен молодая замужняя женщина, чтобы не быть опороченной, провоцировала воина на ее убийство, «вью уже уязвенну ко усечению наклоняше, да первое ея усечет, нежели ея чистоту осквернит» [32, гл. 212, л. 181]. А вот другая жена, чей муж готов был отдать ее Максен-

тию мучителю, чтобы выжить, убила себя: «И тако вниде в комару, преклони колени, моляшеся Господеву о чистоте своей и оную вручаше Ему. По сем вдохновением Духа Святаго восхитивши меч, удари крепко в перси своя» [32, гл. 211, л. 181]. Ради сохранения чистоты тела мать уговорила своих дочерей, захваченных в плен антиохийцами, покончить с собой: «Виждь, яко не подобает никому же для опасения чистоты смерти себе творити. Но сия и сим подобная велия подобающая, яко се вдохновением Святаго Духа сотвориша и того ради не согреша» — подводит итог повествования автор [32, гл. 241, л. 194]. Думается, что русский книжник, читая подобные истории, вспоминал в первую очередь о Евпраксии († 1237), жене Федора Юрьевича, кн. Рязанского, не пожелавшей после захвата крепости Батыем остаться на поругание: прижав к груди маленького ребенка Ивана Постника, она бросилась с крыши княжеского терема. Стратотерпица Зарайская Евпраксия почитается в Русской православной Церкви с мужем и сыном как мученица. И, конечно, на память приходили примеры из христианской агиографии о «самоубийственной смерти», на рубеже XVII–XVIII вв. используемые в старообрядческой полемике о напрасной и богоугодной кончине [11].

Бытовая сторона женского образа жизни особенно ярко обрисована в *Зерцале* в поступках жены и матери. Образцом супружеского терпения и материнской любви служит в сборнике св. прав. Моники Тагастинская († 387), которая, как сказано о ней, никогда не расстраивалась из-за гневливого характера мужа и его измен: «Ибо с ним творю, яко же подобает рабе по достоинству мужескому» [32, гл. 194, л. 172 об.].

Супружеская преданность высоко превозносится в сборнике. Известный по западным хроникам исторический эпизод о верных супругах Вайнсберга, вынесших на своих спинах из осажденного неприятелем города мужей и других мужчин, поражает прямоотой и непосредственностью выражения идеи, эксплуатируемой в средневековой народной культуре, о главной ценности для замужней женщины — живом и здоровом муже [32, гл. 17]. Жена прощает его измены и, в отличие от наложниц, требовавших удовольствия и денег, принимает обратно, доказывая любовь и демонстрируя «разум и мудрость»: «аще и погубил еси // богатство временное, хоцем обрести прочее богатство», — говорит жена мужу, которого прогнали любовницы [32, гл. 217, л. 185 об. – 186]. Чувствуя измену мужа, жена горячо молится о нем и добивается раскаяния [32, гл. 214]. Любящие супруги отстаивают честь своих «половин». «Неплодная и бесстыдная» царица, получив отказ князя разделить с ней ложе, обвинила его в преступлении. Но сохраненная княгиней голова казненного мужа изобличила лживую правительницу [32, гл. 216]. Не желая изменять супругам, жены готовы страдать. Египтянин, потерпевший неудачу в оболщении замужней женщины, чтобы отомстить ей, прибегнул к помощи колдуна, который обратил верную жену в клячу [32, гл. 160]. Для соблазнения замужней красавицы богач нанял хитрую бабу. Но дева позвала подруг и те в прямом смысле «отметелили» подстрекательницу — избивали метлами [32, гл. 245]. Эти и подобные им сюжеты коррелировали с популярными в русской литературе переходного периода повестями о верных и предприимчивых, энергичных и умных женщинах, подобных купеческой жене Татьяне из русской сатирической «Повести о Карпе Сутулове».

Выделяются в *Зерцале* статьи о мужеубийцах. Несчастливая женщина, много лет страдавшая от пьянства супруга, однажды решила на преступление: упившегося до бессознательного состояния мужа заживо замуровала [32, гл. 453]. Молодая красавица убила мужа и по смерти обречена каждую ночь бегать нагой и быть казненной любовником [32, гл. 210]. Подобные сюжеты находили отклик в таком жестоком,

но имевшем место в российской действительности XVI–XVII вв. решении проблемы об освобождении жены от мужа. В исповедных текстах, опубликованных М.В. Корогодиной, есть вопросы к женщинам об убийстве мужей [7, с. 150, 456; 8]. Государственное же законодательство карало мужеубийц закапыванием в землю [10, с. 84] и усечением головы [4, с. 117].

Особое место в *Зерцале* занимают сюжеты о матерях и их отношениях с детьми. К женщине беременной (пример о жене турецкого эмира, которую захватил иерусалимский царь Валдван [32, гл. 323]) и многодетной проявляется деликатность и уважение со стороны мужчины. Неразумной супруге любящий муж простил попытку детоубийства. Княгине, которая посмеялась над нищенкой, родившей тройню, Господь даровал двенадцать детей. Молодая мать уговорила служанку оставить одного. По дороге к реке девушка встретила князя, и страшный замысел княгини раскрылся. Дети были спасены, а через шесть лет представлены князем их матери [32, гл. 301]. Этот сюжет, как и многие вымышленные упоминания о нереальном количестве детей, которых женщина может выносить и родить — 9, 36, 60, 150 и 364 [32, гл.: 300, 302–305], вероятно, включены в русское *Зерцало* не только как развлекательный материал, но и как напоминание об имевших место в древнерусском обществе убийствах матерями новорожденных младенцев [2].

Выделяется ряд примеров о безграничной материнской любви, имеющей эгоистичный, с точки зрения православной веры, характер. В таких историях мать и другие родственницы оттеснены на второй план, и на их фоне особенно ярко показаны и сила духа, и непреклонность подвижника перед земными соблазнами, и слабость веры отдельных иноков, их нестойкость перед кровными узами и семейными привязанностями. Это, с одной стороны, блж. Феодорит, игумен Иоанн, пустынный Пиор, послушник Марк, графский сын Албрехт, ставший монахом, и многие другие подвижники, искавшие способы разорвать родственные связи и затвориться в монастыре [32, гл.: 2–5, 7, 9]. В житиях святых подобных ситуаций описано множество, но самый, пожалуй, известный на Руси — о матери прп. Феодосия Печерского, женщине благочестивой, но властной и суровой, которая настойчиво боролась со стремлением сына посвятить себя Богу. По сути, противопоставлены им монахи, поддавшиеся уговорам сестер и жен: за побег из монастыря они платили жизнью (съедены зверями [32, гл. 66]) и потерей здоровья [32, гл.: 53, 61].

Ряд примеров демонстрирует сильную духовную связь, существующую между матерью и детьми и обладающую взаимной спасительной силой. Слабому верой монаху, задумавшему побег из монастыря, явилась умершая мать и сдержала его желание, дав послушать звуки ада и рая [32, гл. 68]. Нерадивого сына, ставшего монахом, умершая мать, к душе которой он был восхищен во время болезни, упрекала в слабости духа [32, гл. 535]. Дети своими молитвами о матерях вымаливают им прощение [32, гл.: 275, 319]. Статьи *Зерцала* учат, что не каждая молитва матери полезна. Долгое время мать убивалась по умершему сыну, и однажды ей открылось, как он в воскрилиях своей одежды таскает тяжелые емкости с материнскими слезами [32, гл. 309]. А другая мать после смерти сына пять лет «правильно» молилась о его грешной душе, и однажды он явился ей с благодарностью за память [32, гл. 437].

В *Зерцале* присутствует один сюжет о плотских отношениях матери с сыном, где поступок женщины, родившей от сына другого сына, оправдан папой [32, гл. 548]. Кровосмесительные связи имели место в русской действительности, о чем свидетельствуют исповедные вопросники [7, с. 137].

Чрезвычайно интересными и находящими аналогии в древнерусской истории являются примеры о сострадании и благотворительности. Образцами милосердия служат в *Зерцале* обычные женщины, которые укладывали прокаженных в супружеские постели: в одном случае ложе заблагоухало розами, в другом сам Христос устыдил ревнивого супруга [32, гл.: 339, 424]. Самопожертвование, укоренное в евангельском учении о любви к ближнему, не было чуждо и титулованным особам. Жена британского царя Роберта высосала из раны мужа яд, «плеваше на землю», «и язву врачом ко скорому исцелению подаде» [32, гл. 14]. Царица Плацья «болницы посещаше, своими руками болным служаше, горшки и прочия их сосуды сама измываше, варени их сама искушаше, ложицы подаеше, хлеб резаше, брашна приносяше, чашицы пития даше // и прочия послужения им творяше» [32, гл. 128]. Эти сюжеты о женском сострадании напоминали западному читателю о многих благотворительницах европейского средневековья, почитаемых в католической Церкви. Нашего же соотечественника они отправляли к святым девам и женам Древней Руси, посвятившим значительную часть своей жизни служению нуждающимся, — многим «Ульянам в Русской земле», которых «никто не сосчитал, ни один исторический памятник не записал <...> какое количество голодных слез утерли они своими добрыми руками» [6, с. 85].

Несомненно, приведенные примеры о добровольном уходе женщин за больными, как в специально отведенных местах, так и в пределах личного пространства; о милостыне нищим и убогим — людям церковным, проводящим в храме или на паперти свою жизнь, находили соответствие в русской действительности второй половины XVII в., когда вопрос о призрении актуализировался как социально значимый. Предпринимались попытки реализовать его как на уровне государственной политики, так и без участия государства. В первом случае речь идет о царствовавших Романовых, при которых, как известно, были открыты сиротские дома, созданы Дворцовый патриарший (1620) и Аптекарский (1632) приказы, занимавшиеся вопросами организации помощи нуждающимся. При царском дворце Алексея Михайловича на полном обеспечении жили богомольцы, юродивые, странники. При Федоре Алексеевиче были открыты дома для беспризорных детей. Но неосуществленной тогда вершиной государственного управления призрением стал проект о борьбе с нищенством, предложенный царем Федором Алексеевичем на церковном Соборе 1682 г. Вслед за историками, уделившими этому документу специальное внимание, лишь отметим, что царские предложения по урегулированию проблемы бедности и нищенства сильно опережали эпоху [5]. Как и новаторские для второй половины XVII в. идеи Епифания Славинецкого об организации действенной помощи определенным категориям населения и создании обществ милосердия, в том числе организуемым женщинами. Опираясь на опыт братств юго-западной Руси, он предлагал оказывать поддержку тем, кто не был профессиональным нищим [5, с. 66].

Примеры *Зерцала* о сострадании к людям, испытывавшим «великую нужду», побуждали читателя к активному участию в делах милосердия. Но личные акты милосердия как форма благотворительности исходили, в первую очередь, от женщин. Служение больным и нуждающимся, как сказано в сборнике, по своей духовной значимости выше поста и покаяния [32, гл. 125]. Высочайшим образцом милосердия Божия и сердечной любви ко Христу признается в *Зерцале* Екатерина Сиенская († 1380), почитаемая в католичестве учителем Церкви и покровительницей сестер милосердия. В русский сборник включены две небольшие статьи об этой малоизвестной православному миру западной подвижнице, которая была и мистиком. Первая — поучение о милосер-

дии, которое «вся грехи превосходит» [32, гл. 416, л. 315], вторая — о видении Екаторине Христа и обмене сердцами [32, гл. 645].

Таким образом, русский читатель находил в *Зерцале* сложный и многомерный образ средневековой женщины, в котором одновременно можно усмотреть черты верной супруги, любящей матери, надежной сестры и «злой жены», о страшных последствиях любых связей с которой предупреждала многовековая традиция духовной литературы [31].

Отношение к женской красоте как греховному, порочному свойству женской природы, осуждение желаний женщины привлекательно выглядеть и красиво одеваться, участвовать наравне с мужчинами в развлечениях, гуляниях и пиршествах — все это сближает *Зерцало* с церковно-назидательной литературой, в которой идеализировалась женщина скромная, богобоязненная, покорная жена и трудолюбивая хозяйка. Поэтому в первом переводе сборника большое место отведено «злым женам» — в широком понимании этого термина — не только соблазнительницам и изменницам мужьям, пособницам дьявола и бабам со скверным характером и грубиянкам, но и подстрекательницам и насмешницам. Некая жена предложила мужу «сотворити смех» над гостями — христианином и еретиком — и возрадовалась, когда один из визитеров, прикоснувшись к огражденной крестом пище, упал замертво [32, гл. 97]. Такое поведение женщины, несмотря на поучительный характер статьи, находило отклик в русских повестях, где именно женщина демонстрировала особую манеру самовыражения, заключающуюся в издевках, злых насмешках над окружающими [8, 30].

Примеры о женской предприимчивости в *Зерцале*, основанные на мировых сюжетах, характеризуют женщину с отрицательной стороны. Вспомним уже упомянутый пример о женщине, собиравшей средства на благие дела, но как оказалось — ради личного обогащения. А хитрая и жестокая жена польского короля Попеля, терпя распутную жизнь мужа, но желая завладеть царством, сделала его сообщником в убийстве князей [32, гл. 405]. Однако с темой женской активности и самостоятельности связаны другие сюжеты о благих делах и служении миру. Примеры о женах, ухаживавших за больными и нуждающимися в опеке людьми; о жене, дающей совет мужу, как получить финансовую прибыль, отдав деньги на благотворительность (совет мужу, решившему заложить пятьдесят серебряников в рост, отдать деньги нищему на паперти [32, гл. 362]), предлагают другой образ женщины. Она способна к принятию собственных решений, готова к самопожертвованию ради близких и нуждающихся в помощи, рада стать советчицей и опорой мужу в хозяйственных вопросах. Совершенно очевидно, что в указанных примерах показаны пути преодоления присущей женской природе греховности не только через покаяние, как учила духовная литература, но с помощью, говоря современным языком, социально значимых поступков.

Восхваляется в *Зерцале* женская мудрость и ум. Сын богатых родителей, полюбив простушку, замысловато рассуждавшую о земной и небесной любви, объяснил ее отцу свой выбор таким образом: «Дщерь же твою за благоговейство и за богобоязньство, и за многий ея разум и красоту зело возлюбих ю. И сию паче иных и паче всего хошу имети в жену» [32, гл. 325]. Этот женский идеал, напоминающий муромскую Февронию — мудрую жену и деву, до сего дня почитаемую во всех уголках России, можно назвать средоточием женственности, жизненной и божественной умудренности русского *Зерцала*. Заметим, что внешний вид женщины — лицо и волосы, фигура и походка, другие элементы визуального облика — не описаны ни в одном из примеров. По-прежнему в женщине высоко ценится красота внутренняя, духовная, отражающаяся на ее внешности и делающая ее привлекательной.

Очевидно, что еще слабо, но уже заметно в статьях сборника проступают черты нового отношения к женщине, ярко проявившиеся в переходный период русской культуры и в Новое время. Повышение оценки женской личности, укрепление женского статуса в семье, разрушение церковно-канонических стереотипов о женщине — эти и другие особенности восприятия женщины и ее места в семье и общественной жизни были привнесены не только проникновением в русское сознание и быт элементов европейской культуры, но и мировыми сюжетами, на которых базируется «женская тема» сборника.

Список литературы

Исследования

- 1 *Антилогова Е.С.* Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII–XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 92. С. 45–48.
- 2 *Бабичев А.Г.* Историческое становление Российского уголовного законодательства об убийстве матерью новорожденного ребенка // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 9: Право. 2015. № 4 (359). Вып. 41. С. 99–105.
- 3 *Белова А.В.* Концепт «женская повседневность» в контексте истории повседневности: гендерная чувствительность новой социальной истории // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2019. С. 39–48.
- 4 *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 704 с.
- 5 *Быков А.А., Зейле Н.И.* Благотворительность и государственное призрение в России в «бунташном» XVII веке как экзистенциальная проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политика. 2020. № 55. С. 59–69.
- 6 *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 77–94.
- 7 *Корогодина М.В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 584 с.
- 8 *Корогодина М.В.* «Или мучивал жену напрасно, а не по закону?»: мир русской женщины в Средние века // Человек. 2003. № 6. С. 131–140.
- 9 *Курто О.И.* «В начале славных дел...». Первопроходцы гендерных исследований в России // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2019. С. 163–169.
- 10 *Лабутина Т.Л.* Этнические представления британцев о женщинах допетровской и петровской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2015. Вып. 4. С. 78–87.
- 11 *Пигин А.В.* Агиографические сочинения в старообрядческой полемике конца XVII–XVIII в. о «самоубийственной смерти» (Послание Петра Прокопьева Даниилу Викулину) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 64. С. 435–447.
- 12 *Правда В.Л.* Женщины в библейской и античной культурах // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 139–145.
- 13 *Пушкарева Н.Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76–89.

- 14 *Пушкарева Н.Л.* От «His-story» к «Her-story»: рождение исторической феминологии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: Институт всеобщей истории РАН; СПб.: Алетейя, 2003. С. 367–388.
- 15 *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
- 16 *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
- 17 *Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В.* «История повседневности» в современном историческом исследовании // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2019. С. 239–248.
- 18 *Репина Л.П.* Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: Институт всеобщей истории РАН; СПб.: Алетейя, 2003. С. 7–17.
- 19 *Ромодановская Е.К.* Великое Зерцало // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2004. Т. 7. С. 507–510.
- 20 *Ромодановская Е.К.* Великое Зерцало // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3 (XVII век). Ч. 1. С. 165–171.
- 21 *Ромодановская Е.К.* Великое Зерцало // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1988. Т. 41. С. 6–10.
- 22 *Ромодановская Е.К.* Западные сборники и оригинальная русская повесть (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII – начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1979. Т. 33. С. 164–174.
- 23 *Ромодановская Е.К.* Переводные памятники XVII века и становление нового типа русской литературы // Вестник истории, литературы, искусства. 2007. Т. 4. С. 62–72.
- 24 *Ромодановская Е.К.* Переводные сборники и русская литература // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: Уральский университет, 2008. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. С. 384–392.
- 25 *Ромодановская Е.К.* Переводные сборники как комплексы новых сюжетов в русской литературе // Гуманитарные науки в Сибири. Серия Филология. 2009. № 4. С. 5–8.
- 26 *Ромодановская Е.К.* Пополнение комплекса сюжетов русской литературы за счет переводных сборников // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск: Гео, 2012. С. 9–15.
- 27 *Ромодановская Е.К.* Притча и приклад: взаимовлияние и эволюция жанров // Проблемы литературных жанров. Томск: Томский государственный университет, 1999. Ч. 1. С. 25–31.
- 28 *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 232 с.
- 29 *Сулица Е.И.* Женские персонажи древнерусской словесности: поэтическая образность и принцип синкретичности // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2014. № 4 (45). С. 76–90.
- 30 *Сулица Е.И.* Женские типы «искусительницы» и «злой жены» в русской повести конца XVII – начала XVIII в. // Вестник славянских культур. 2014. № 4 (34). С. 168–177.

- 31 *Тимова Л.В.* Беседа отца с сыном о женской злобе. Исследование и публикация текстов. Новосибирск: Наука, 1987. 416 с.

Источники

- 32 «Великое Зерцало». ГИМ. Синодальное собр. № 101. Л. 32–475.

© 2023. **Svetlana K. Sevastyanova**
Novosibirsk, Russia

© 2023. **Elena E. Khudnitskaya**
Novosibirsk, Russia

**“WOMEN'S THEME” IN THE RUSSIAN COLLECTION
“GREAT MIRROR”**

Abstract: Interest in the “women's theme” is actualized in Russian humanities at the turn of the 21st century in terms of the feminology, historical anthropology and the history of everyday life. However, the “women's theme” in the exemplary collections of copies translated into Russian in the 17th century, still attracts little attention of researchers. This paper for the first time draws attention to women's issues as one of the cross-cutting ones in the code “Great Mirror” in its first Russian translation. The image of a woman is characterized basing on the material of 163 articles. The content of the examples is correlated with the events of the historical past of Ancient Rus` and Russian everyday life of the 17th century. The collection devotes considerable attention to the “evil wives”. Examples of women's activity show its manifestation not only as a vice, but as a social service. A woman is encouraged to lead a Christian lifestyle, to be submissive and faithful to her husband. At the same time, the source praises her wisdom and intelligence and readiness for self-sacrifice for the sake of her family and husband. Still weak, yet already noticeable in the chapters of the “Great Mirror”, manifestations of a new attitude towards women that flourished in the transitional period of Russian culture and modern times — development in the assessment of a woman's personality, strengthening women's status in the family, breaking stereotypes about a woman — were introduced not only by elements of European culture that have penetrated into Russian everyday life, but also the world culture`s plots inherent to the “female theme” of the collection.

Keywords: Russian Collection “Great Mirror”, “Women's Theme”, the Image of a Woman, Syncretism, “Evil Wives”, a Wise and Intelligent Wife, Social Service.

Information about the authors:

Svetlana K. Sevastyanova — DSc in Philology, Siberian Institute of Management, A branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Nizhegorodskaya St. 6, 630102 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

E-mail: sevask@mail.ru

Elena Eduardovna Khudnitskaya — Leading Engineer, Literary Studies Sector, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St. 8, 630090 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1326-5502>

E-mail: ekhudnitskaya@list.ru

Received: August 10, 2022

Approved after reviewing: October 05, 2022

Date of publication: March 29, 2023

For citation: Sevastyanova, S.K., Khudnitskaya, E.E. “‘Women's Theme’ in the Russian Collection ‘Great Mirror’.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2023, vol. 67, pp. 186–201. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-186-201>

References

- 1 Anpilogova, E.S. “Russkaia zhenshchina v vospriatii sovremennikov na rubezhe XVII–XVIII vekov” [“Russian Woman in the Perception of Contemporaries at the Turn of the XVIII Century”]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 92, 2009, pp. 45–48. (In Russ.)
- 2 Babichev, A.G. “Istoricheskoe stanovlenie Rossiiskogo ugovolnogo zakonodatel'stva ob ubiistve mater'iu novorozhdennogo rebenka” [“The Historical Formation of the Russian Criminal Legislation on the Murder of a Newborn Child by a Mother”]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series 9: Pravo [Law], no. 4 (359), vol. 41, 2015, pp. 99–105. (In Russ.)
- 3 Belova, A.V. “Kontsept ‘zhenskaia povsednevnost’ v kontekste istorii povsednevnosti: gendernaia chuvstvitel'nost' novoi sotsial'noi istorii” [“The Concept of ‘Women's Everyday Life’ in the Context of the History of Everyday Life: Gender Sensitivity of the New Social History”]. *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i sotsial'noi istorii povsednevnosti [Gender in the Focus of Anthropology, Family Ethnography and the Social History of Everyday Life]*. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography RAS Publ., 2019, pp. 39–48. (In Russ.)
- 4 Beliakova, E.V., Beliakova, N.A., Emchenko, E.B. *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaia praktika [Woman in Orthodoxy: Church Law and Russian Practice]*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011. 704 p. (In Russ.)
- 5 Bykov, A.A., Zeile, N.I. “Blagotvoritel'nost' i gosudarstvennoe prizrenie v Rossii v ‘buntashnom’ XVII veke kak ekzistentsional'naia problema” [“Charity and State Charity in Russia in the ‘Rebellious’ XVII Century as an Existential Problem”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filosofii. Sotsiologii. Politika [Philosophy. Sociology. Politics], no. 55, 2020, pp. 59–69. (In Russ.)
- 6 Kliuchevskii, V.O. *Istoricheskie portrety. Deiateli istoricheskoi mysli [Historical Portraits. Figures of Historical Thought]*. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 77–94. (In Russ.)
- 7 Korogodina, M.V. *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv. Issledovanie i teksty [Confession in Russia in the XIV–XIX Centuries. Study and Texts]*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 584 p. (In Russ.)
- 8 Korogodina, M.V. “‘Ili muchival zhenu naprasno, a ne po zakonu?’: mir russkoi zhenshchiny v Srednie venka” [“‘Or did you Torture your Wife in Vain, not According to the Law?’: The World of a Russian Woman in the Middle Wreath”]. *Chelovek*, no. 6, 2003, pp. 131–140. (In Russ.)

- 9 Kurto, O.I. “V nachale slavykh del...”. Pervoprokhodtsy gendernykh issledovaniy v Rossii” [“At the beginning of Glorious Deeds...”. Pioneers of Gender Studies in Russia”]. *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i sotsial'noi istorii povsednevnosti* [Gender in the Focus of Anthropology, Family Ethnography and the Social History of Everyday Life]. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography RAS Publ., 2019, pp. 163–169. (In Russ.)
- 10 Labutina, T.L. “Etnicheskie predstavleniia britantsev o zhenshchinakh dopetrovskoi i petrovskoi Rossii” [“Ethnic Ideas of the British about the Women of Pre-Petrine and Petrine Russia”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Series 2, vol. 4, 2015, pp. 78–87. (In Russ.)
- 11 Pigin, A.V. “Agiograficheskie sochineniia v staroobriadcheskoi polemike kontsa XVII–XVIII v. o ‘samoubiistvennoi smerti’ (Poslanie Petra Prokop'eva Daniilu Vikulinu)” [“Hagiographic Writings in the Old Believer Controversy of the Late 17th–18th Centuries about ‘Suicidal Death’ (Message from Pyotr Prokopiev to Daniil Vikulin)”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2016, vol. 64, pp. 435–447. (In Russ.)
- 12 Pravda, V.L. “Zhenshchiny v bibleiskoi i antichnoi kul'turakh” [“Women in Biblical and Ancient Cultures”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 324, 2009, S. 139–145. (In Russ.)
- 13 Pushkareva, N.L. “Gendernye issledovaniia: rozhdenie, stanovlenie, metody i perspektivy” [“Gender Studies: Birth, Formation, Methods and Perspectives”]. *Voprosy istorii*, no. 6, 1998, pp. 76–89. (In Russ.)
- 14 Pushkareva, N.L. “Ot ‘His-story’ k ‘Her-story’: rozhdenie istoricheskoi feminologii” [“From ‘His-story’ to ‘Her-story’: the birth of Historical Feminology”]. Moscow, Institute of World History RAS Publ.; St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2003, pp. 367–388. (In Russ.)
- 15 Pushkareva, N.L. *Russkaia zhenshchina: istoriia i sovremennost': Istoriia izucheniia “zhenskoi temy” russkoi i zarubezhnoi naukoj. 1800–2000: Materialy k bibliografii* [Russian Woman: History and Modernity: History of the Study of the “Female Theme” by Russian and Foreign Science. 1800–2000: Materials for a Bibliography]. Moscow, Lodomir Publ., 2002. 526 p. (In Russ.)
- 16 Pushkareva, N.L. *Chastnaia zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zhena, liubovnitsa (X – nachalo XIX v.)* [Private Life of a Russian Woman: Bride, Wife, Mistress (10–Early 19 Century)]. Moscow, Lodomir Publ., 1997. 381 p. (In Russ.)
- 17 Pushkareva, N.L., Liubichankovskii S.V. “‘Istoriia povsednevnosti’ v sovremennom istoricheskom issledovanii” [“‘History of Everyday Life’ in Modern Historical Research”]. *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i sotsial'noi istorii povsednevnosti* [Gender in the Focus of Anthropology, Family Ethnography and the Social History of Everyday Life]. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography RAS Publ., 2019, pp. 239–248. (In Russ.)
- 18 Repina, L.P. “Gendernaia istoriia segodnia: problemy i perspektivy” [“Gender History Today: Issues and Prospects”]. *Adam i Eva. Al'manakh gendernoi istorii* [Adam and Eve. Gender History Almanac]. Moscow, Institute of World History RAS Publ.; St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2003, pp. 7–17. (In Russ.)
- 19 Romodanovskaia, E.K. “Velikoe Zertsalo” [“Great Mirror”]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia], vol. 7. Moscow, TsNTs “PE” Publ., 2004, pp. 507–510. (In Russ.)

- 20 Romodanovskaia E.K. “Velikoe Zertsalo” [“Great Mirror”]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Russia]*, vol. 3 (XVII vek) [17 Century], part 1. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1992, pp. 165–171. (In Russ.)
- 21 Romodanovskaia, E.K. “Velikoe Zertsalo” [“Great Mirror”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]*, vol. 41. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 6–10. (In Russ.)
- 22 Romodanovskaia, E.K. “Zapadnye sborniki i original'naia russkaia povest' (K voprosu o rusifikatsii zaimstvovannykh siuzhetov v literature XVII – nachala XVIII v.)” [“Western Collections and the Original Russian Story (on the Issue of Russification of Borrowed Plots in the Literature of the 17th – Early 18th Centuries)”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]*, vol. 33. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 164–174. (In Russ.)
- 23 Romodanovskaia, E.K. “Perevodnye pamiatniki XVII veka i stanovlenie novogo tipa russkoi literatury” [“Translational Monuments of the 17th Century and the Formation of a New Type of Russian Literature”]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*, vol. 4, 2007, pp. 62–72. (In Russ.)
- 24 Romodanovskaia, E.K. “Perevodnye sborniki i russkaia literatura” [“Translation Collections and Russian Literature”]. *Literatura Urala: istoriia i sovremennost' [Literature of the Urals: history and modernity]*, vol. 4: Lokal'nye teksty i tipy regional'nykh narrativov [Local texts and types of regional narratives]. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2008, pp. 384–392. (In Russ.)
- 25 Romodanovskaia, E.K. “Perevodnye sborniki kak komplekсы novykh siuzhetov v russkoi literatury” [“Translation Collections as Complexes of New Plots in Russian Literature”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Series Filologiya [Philology]*, no. 4, 2009, pp. 5–8. (In Russ.)
- 26 Romodanovskaia, E.K. “Popolnenie kompleksa siuzhetov russkoi literatury za schet perevodnykh sbornikov” [“Replenishment of the Complex of Plots of Russian Literature at the Expense of Translated Collections”]. *Siuzhetno-motivnye komplekсы russkoi literatury [Plot-motive Complexes of Russian Literature]*. Novosibirsk, Geo Publ., 2012, pp. 9–15. (In Russ.)
- 27 Romodanovskaia, E.K. “Pritcha i priklad: vzaimovliianie i evoliutsiia zhanrov” [“Parable and Story: Mutual Influence and Evolution of Genres”]. *Problemy literaturnykh zhanrov [Issues of Literary Genres]*, part. 1. Tomsk, The National Research Tomsk State University Publ., 1999, pp. 25–31. (In Russ.)
- 28 Romodanovskaia, E.K. *Russkaia literatura na poroge novogo vremeni: Puti formirovaniia russkoi belletristiki perekhodnogo perioda [Russian Literature on the Threshold of a New Time: Ways of Formation of Russian Fiction of the Transitional Period]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 232 p. (In Russ.)
- 29 Sulitsa, E.I. “Zhenskie personazhi drevnerusskoi slovesnosti: poeticheskaia obraznost' i printsip sinkretichnosti” [“Female Characters of Old Russian Literature: Poetic Imagery and the Principle of Syncretism”]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, no. 4 (45), 2014, S. 76–90. (In Russ.)
- 30 Sulitsa, E.I. “Zhenskie tipy ‘iskusitel'nitsy’ i ‘zloi zheny’ v russkoi povesti kontsa XVII – nachala XVIII v.” [“Female Types of ‘Temptress’ and ‘Evil Wife’ in the Russian Story of the Late 17th – Early 18th Centuries”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 4 (34), 2014, pp. 168–177. (In Russ.)

- 31 Titova, L.V. *Beseda ottsa s synom o zhenskoi zlobe. Issledovanie i publikatsiia tekstov* [*Conversation Between Father and Son about Female Malice. Research and Publication of Texts*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987. 416 p. (In Russ.)